

ОПЫТЫ НЕЗАВИСИМОЙ АНАЛИТИКИ СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ

27.01.2011

Обнародование итогового отчета технической комиссии Межгосударственного авиационного комитета (МАК) в связи с завершением расследования причин гибели весной 2010 года самолета президента Польши спровоцировало бурю эмоций в политических кругах этой страны, поставив под удар курс на нормализацию и развитие российско-польских межгосударственных отношений, наметившийся в минувшем году

СМИ: комментарии «оппонентов»

Мы имеем дело с гигантской компрометацией польского руководства и с его абсолютной несостоятельностью, его уступчивостью в отношениях с Россией, которую можно охарактеризовать действительно резкими словами. Я не хочу их произносить, но здесь действительно можно пойти очень, очень далеко... Не пугайте нас войной – это нам не грозит! В политике стоит быть жестким. Россия – это в данный момент слабеющее государство, которое вынуждено считаться с мнением международного сообщества. (Ярослав Качиньский, лидер фракции «Право и справедливость»)

Сегодня гипотеза о заговоре с целью убийства польского президента более правдоподобна, чем когда-либо еще. Есть много признаков, показывающих, что русские хотели бы убить Леха Качиньского. Среди причин, по которым Россия желала смерти польскому президенту, – его возможная победа на следующих выборах, реакция на августовские события 2008 года в Грузии и политика Польши в Евросоюзе. (Марцин Дубенецкий, представитель семьи Леха Качиньского)

Россия рассчитывала на то, что ей при помощи отчета МАК удастся натравить оппозицию на правительство. Оппозиция, которая будто бы защищает честь Польши, на самом деле играет главную роль в российском сценарии. Это также ослабляет позицию Польши относительно выяснения причин катастрофы. «Право и справедливость» исполняет роль, написанную в Москве. Исторически Россия многократно создавала ситуации, которые провоцировали поляков к междоусобицам, что ослабляло Польшу и расширяло поле маневра для России. (Томаш Налэнч, советник президента Польши)

Среди предпосылок, которые могут теоретически подтвердить теорию теракта, перечисляют, в частности, не только отсутствие корректировки ошибок в курсе снижения самолета, но прямо-таки стремление убедить польских летчиков в том, что они на правильном курсе снижения; отдание двусмысленных команд «горизонт» только в тот момент, когда судьба самолета, то есть катастрофа, была абсолютно предрешена; неустановление запрета посадки на аэродроме Северный; приказ контролерам от «Логики» в Москве разрешить польскому «туполеву» заход на посадку, несмотря на полную информацию о трагических атмосферных условиях; отказ передать записи радаров; до сего дня отказ допустить польских экспертов к обломкам самолета Ту-154М; дефектные карты подхода, то есть с ошибочными параметрами, наводящими на ось взлетной и посадочной полосы; неверная работа ближнего радиомаяка и, вероятнее всего, неправильное расстояние между ближним и дальним радиомаяками. («Wirtualna Polska», Польша)

У двух стран был шанс заглядеть вину и возместить причиненный ущерб, но они его упустили. Это стало ясно 12 января, когда Межгосударственный авиационный комитет России провел в Москве пресс-конференцию, раскрыв причины авиакатастрофы. В зале, где не было ни одного польского следователя, глава комитета Татьяна Анодина с каменным лицом приступила к чтению своего монолога, снимая всякую ответственность с российской стороны. Вся вина, заявила она, полностью лежит на польском экипаже. («Time», США)

Если в двух словах, то российская сторона говорит о катастрофе под Смоленском в удивительно дерзком и неадекватном тоне: причиной являются неверные решения пилотов; отсутствие же ряда инфраструктурных условий не повлияло на катастрофу польского Ту-154. Вероятно, российская сторона попыталась создать эффект шока, обнародовав данные, снимающие с нее любую ответственность. Документ не соответствует действительности, и любой, кто отдаст себе в этом отчет, понимает, что доклад отнюдь не пойдет на пользу имиджу России и создаст новую напряженность в отношениях между Польшей и Россией. Это очевидно для тех, кто знаком с историей этих двух стран. («Radin Rue», Франция)

Из этого польско-российского охлаждения можно сделать горький вывод. Польша хочет выяснить роль ответственных лиц, находившихся на борту польского самолета, хотя это причиняет полякам боль. Тогда как Россия намерена проводить расследование только в том случае, если это не затрагивает работу персонала на земле. Неслучайно появились изъяны в области доступа к информации – демократия, у которой есть силы для извлечения уроков из совершенных ошибок, противостоит в данном случае самовластному государству, которое принципиально никогда не признает свои ошибки, не говоря уже о том, чтобы извиниться за них. Ни перед границей, ни тем более перед собственными гражданами – самим русским это прекрасно известно. Случай в Смоленске – это частный пример того, что можно увидеть и в большем масштабе. Основанные на доверии добрососедские отношения с Россией и настоящая модернизация в этой стране будут возможны только после ухода со сцены поколения Путина. («Die Welt», Германия)

Такая скрытность лишь усилит огонь критики со стороны поляков. Станет популярной идея о том, что российское расследование – это лишь прикрытие. Следствию не только не удалось взвалить всю вину на польских летчиков, эффект оказался прямо противоположным. Теперь подозрения пали на русских. (Андрей Илларионов, Институт Катона, США)

Такой омерзительной бумаги давно не видела, заметила я некоторое время назад, говоря о докладе комиссии Тальявини по поводу российско-грузинской войны. Должна взять свои слова назад: отчет МАК о причинах крушения самолета президента Качиньского оказался еще более омерзительным. Отчет МАК в точности соответствует тому ГОСТу, по которому отчитывались на Саяно-Шушенской ГЭС. В нем масса какой-то ахинеи, ненужной, а часто и злобной. Изобилие слов скрывает отсутствие информации. Потому что ни в одной строчке отчета МАК нет ответов на важнейшие вопросы. (Юлия Латынина, радио «Эхо Москвы»)

СМИ: комментарии «апологетов»

Стоит надеяться, что официальные выводы МАК поставят точку в той череде спекуляций, которые уже на протяжении 9 месяцев сопровождают вторую катынскую трагедию 2010 года. К сожалению, мы увидели, что те надежды, которые появились сразу после трагедии с самолетом польского президента (что никакие силы не будут пытаться на этом спекулировать и что расследование трагедии будет произведено максимально беспристрастно, без внешнего информационного давления, максимально быстро и точно), не оправдались. После месячной паузы в мае-июне сразу появились попытки (как правило, некоторых авантюристов с польской стороны) использовать данную трагедию в узкополитических целях вне зависимости от установления истины. (Павел Салин, ведущий эксперт Центра политической конъюнктуры)

В значительной степени российская политика примирения с кем-то или урегулирования отношений – она связана с самоуничижением. То есть ленивый только в нас не плюнет, потому что таким образом мы выстроили общественное мнение. Мы сами себя загнали в тупик, лебезя перед

поляками и ходя с виноватой мордой. Потому что мы в этом случае вообще ни в чем не виноваты и вся тональность польской стороны состоит в том, что мы им должны что-то доказать. Их президент, их политическое руководство из-за своих довольно известных культурно-социальных психологических особенностей, амбиций, ослиного упрямства погубили себя и кучу народа. Исключено, что люди, которые параноидально считают, что «москаля слоника замучили», согласятся с такой картиной при каких-либо обстоятельствах. Польское массовое общественное мнение никак не подготовлено к тому, что они сами во всем виноваты, вот эта концепция их не устраивает категорически. (Михаил Леонтьев, политолог, журналист)

Как бы и что бы там ни было на самом деле, уже сегодня можно на сто процентов утверждать, что господина Качиньского и ехавших с ним убила не столько земля, сколько настигла карма. Чем далее, тем яснее становится, что покойный безжалостно пиарился на трагической смерти польских офицеров. А посещение мемориала безвинно расстрелянных десятков тысяч – это, может, и эффектный, но несколько чреватый способ для пиара. Это ритуальная траурная церемония, во время которой даже непримиримые враги выражают друг другу соболезнования и выказывают знаки уважения. Тем не менее господин Качиньский начал капризничать и изображать какие-то ноты протеста, типа там приземлюсь, а тут не приземлюсь. А вы, русские, за все отвечаете. И не очень понятно, что и кому он хотел этими нотами показать, ибо русские имеют такое же отношение к преступлениям Джугашвили, как поляки к преступлениям товарища Дзержинского – так сказать, топору всех большевистских кровососов. Однако если русским ноты протеста и пиар господина Качиньского глубоко до лампочки, то лежащие в Катыни поляки этого пиара не приняли, мертвые, они вообще не терпят лжи. В результате чего можно уверенно сказать: господина Качиньского убило не столько столкновение с землей, сколько настигла карма. (Виктор Уверов, Агентство русской информации Ари.ру)

Что касается итогов и заключений расследования этой комиссии, то такие данные были уже озвучены практически сразу после авиакатастрофы, спустя несколько месяцев – в принципе здесь ничего нового нет. Вопрос в том, что исключается негативное влияние российского фактора, на чем настаивала именно польская сторона, – то есть понятно, что позиция Варшавы отчасти как раз была настроена на то, чтобы найти этот самый российский след. Но комиссия предоставила совершенно обратные данные – что именно польская сторона, именно польское военное командование отчасти виновато в том, что произошло. Это не согласуется с общей генеральной линией польского руководства, и не только руководства, в том числе и польской оппозиции во главе с Ярославом Качиньским, братом погибшего президента. Я не думаю, что данные эти серьезно отразятся на наших отношениях, потому что есть масса других вопросов, которые сейчас стоят на повестке дня. (Евгения Войко, ведущий эксперт Центра политической конъюнктуры)

Наш комментарий

Обнародование итогового отчета технической комиссии Межгосударственного авиационного комитета (МАК) в связи с завершением расследования причин гибели весной 2010 года самолета президента Польши спровоцировало бурю эмоций в политических кругах этой страны, поставив под удар курс на нормализацию и развитие российско-польских межгосударственных отношений, наметившийся в минувшем году. Одновременно эта ситуация послужила поводом для очередного витка антироссийской информационной войны в мировых СМИ.

Польский Ту-154 разбился 10 апреля 2010 года при заходе на посадку на аэродром Смоленск-Северный. Погибли 96 человек – 88 пассажиров и восемь членов экипажа, в том числе президент Польши Лех Качиньский, его супруга и часть руководства страны.

Согласно выводам комиссии МАК, непосредственной причиной крушения признано решение экипажа не уходить на запасной аэродром, а системными причинами – недостатки в обеспечении полета и подготовке экипажа. Материалы технического расследования свидетельствуют, что в кабине пилотов во время посадки находилось постороннее лицо – главнокомандующий ВВС Польши Анджей Бласик, в крови которого был обнаружен алкоголь. Согласно выводам экспертов, его присутствие оказывало давление на пилотов и повлияло на их решение посадить самолет в Смоленске, несмотря на предупреждения диспетчеров.

Польская сторона отреагировала на отчет МАК оперативно: в ходе пресс-конференции министра внутренних дел и администрации Польши Ежи Миллера, возглавляющего польскую правительственную комиссию, которая расследует причины катастрофы под Смоленском, была обнародована альтернативная версия событий. Диспетчеры аэропорта Северный под Смоленском «действовали под большим давлением и совершили много ошибок, не оказав поддержки экипажу во время подхода на посадку в трудных погодных условиях», – такой вывод, диаметрально противоположный выводам комиссии МАК, сделала польская правительственная комиссия. В рамках конференции были обнародованы записи переговоров диспетчеров с контрольной вышкой аэродрома Северный, якобы подтверждающие выводы польской стороны. Еще одной причиной катастрофы, по мнению польской стороны, могла быть недостаточная техническая оснащенность аэродрома в Смоленске.

Позже глава МВД Польши Ежи Миллер уточнил свою позицию, заявив, что он исключает возможность того, что диспетчеры специально ввели в заблуждение пилотов президентского Ту-154. Однако обосновал свой вывод весьма двусмысленно: «Перед «туполевым» на посадку подходил Ил-76 с российским экипажем, и к нему был такой же подход. Его также плохо вели, также контрольная вышка неверно направляла его, и он не только чуть не разбился, так как шел слишком низко, но и не был на верном курсе аэродрома».

По мнению министра внутренних дел, в сложившихся условиях диспетчеры обязаны были однозначно запретить посадку президентского борта. Этот вывод противоположен позиции российских экспертов, которые настаивают на том, что закрытие аэродромов для международных полетов по метеоусловиям не предусмотрено аэронавигационными правилами России и СНГ, на основании которых осуществляются воздушные перевозки. Для полетов такого статуса действует правило полной ответственности командира воздушного судна за принятие решения о взлете и посадке. По словам главы МАК, такое же положение содержится и в польском законодательстве, и в международном.

Польская сторона, в отличие от российской, не считает расследование окончательно завершенным с публикацией официального отчета комиссии МАК. Польша намерена использовать свой второй Ту-154М для эксперимента с целью выяснить, что произошло во время крушения президентского авиалайнера, сообщил заместитель главы правительственной комиссии. Польские эксперты также намерены получить от российской стороны обломки президентского самолета и все вещественные доказательства, собранные на месте трагедии, в целях проведения собственных исследований. Для полного анализа необходимо допросить многих свидетелей и изучить дополнительные материалы. До сих пор непонятно, где затерялась запись телеметрии радаров аэропорта Северный, которая могла пролить свет на эту трагедию. «Возникают сомнения, что Россия хочет докопаться до правды», – отметил в этой связи аккредитованный при МАК представитель Польши Эдмунд Клих.

Наиболее радикальную позицию в отношении выводов комиссии МАК, как и следовало ожидать, заняли близкие и единомышленники погибшего президента. Ответственность за трагедию под

Смоленском лежит на российской стороне, которая ввела в заблуждение экипаж польского ТУ-154, рухнувшего под Смоленском, заявил в своем выступлении в сейме брат-близнец погибшего президента Ярослав Качиньский, бывший премьер-министр и соперник нынешнего президента Бронислава Коморовского на досрочных выборах. Отчет Межгосударственного авиационного комитета он назвал «издевкой над Польшей».

В свою очередь, члены семьи Качиньского прямо обвинили российские власти в возможном спланированном убийстве президента Польши в катастрофе под Смоленском. Зять покойного президента Марцин Дубенецкий заявил, что «есть много моментов, указывающих на убийство Леха Качиньского». В частности, он упомянул об активной антироссийской позиции Качиньского, которая была определяющей в его политической карьере, а также о том, что президент поддержал Грузию во время войны 2008 года с Россией.

Польская политическая оппозиция, которая обвиняет премьер-министра Польши Туска в том, что он во главу угла в этом деле ставит улучшение отношений с Россией, резко критикует отчет как пристрастный и намеренно оскорбительный для Польши. Накануне выступления в Сейме Дональда Туска депутаты парламента от оппозиционных партий «Право и справедливость» и Союз левых демократов представили для обсуждения в парламенте две различные резолюции, которые Сейм мог бы принять по результатам обсуждения ситуации с расследованием смоленской катастрофы. Более радикальным выглядит документ партии «Право и справедливость», в котором говорится, что «Сейм высказывает решительный протест в связи с выводами, сделанными МАК в отчете о причинах трагедии». Посткоммунисты из Союза левых демократов предложили более сдержанный вариант резолюции парламента: «причины этой невиданной ранее ни в одной стране трагедии будут установлены». Однако фракция правящей в Польше партии «Гражданская платформа» не допустила принятия ни одной из резолюций, считая такие действия преждевременными.

Официальное руководство Польши в этом споре заняло примирительную позицию. Премьер Польши Дональд Туск призвал оппозицию не использовать тему расследования обстоятельств крушения самолета в политических целях. На специальной пресс-конференции он заявил, что основная ответственность за крушение лежит на польской стороне. «Нам хватит смелости ничего не фальсифицировать, – заявил премьер. – Польша берет на себя часть ответственности за катастрофу под Смоленском». Он сообщил, что правительство Польши предложит Москве провести «переговоры», надеясь таким образом «прийти к общей версии отчета».

По очевидным причинам польскому премьеру не по вкусу обострение отношений с Москвой. Он попытается выиграть время, призывая россиян к переговорам, а западных союзников к оказанию давления на Кремль. Однако, занимая такую позицию, он едва ли рассчитывает на заметный результат в обоих случаях.

Президент Польши Бронислав Коморовский назвал доклад МАК «односторонним», однако при этом он рассчитывает на продолжение «трудного диалога с Россией», несмотря на различные точки зрения в оценках причин крушения самолета Ту-154 под Смоленском 10 апреля 2010 года с Лехом Качиньским на борту. Тем не менее Коморовский вынужден был констатировать, что Польша была удивлена как скорой оглаской доклада МАК, так и способом подачи некоторых его частей.

Тем не менее руководители страны ясно осознают степень политической напряженности, сопровождающей оглашение выводов комиссии МАК. Получив сообщение об окончании работы МАК над докладом, премьер-министр Польши Дональд Туск экстренно прервал отпуск и прибыл в Варшаву. А президент Бронислав Коморовский отказался от запланированного визита в Словакию.

Отчет МАК – хороший повод еще раз подвергнуть критике действующего премьера Туска. Лидер правых Качиньский воспользовался им в полной мере, особенно с учетом предстоящих осенью парламентских выборов в стране: «Решение, которое принял Дональд Туск, – предоставить ведение следствия россиянам... Сегодня мы видим последствие в виде доклада, который обвиняет польских пилотов и Польшу полностью и односторонне без всяких доказательств».

Хотя «Право и справедливость» проиграла президентские выборы в прошлом году, ее кандидат Ярослав Качиньский во втором туре получил около 47% – это очень высокий результат, поэтому партия стремится взять реванш за поражения на парламентских выборах 2007 года и на президентских 2010 года. Для этого партия ведет максимально решительную избирательную кампанию, апеллируя к теме авиакатастрофы, обвиняя Россию. Если правительство настроено по отношению к России умеренно, то оппозиция здесь, наоборот, максимально радикальна.

В свою очередь, по тем же законам политической борьбы, следует ожидать определенной радикализации позиции правящей партии «Гражданская платформа» и ее кандидатов – действующих премьера и президента страны. Правящему тандему Туска и Коморовского необходимо мобилизовать электорат, значительная часть которого, согласно опросам общественного мнения, занимает настороженную позицию в отношении России вообще и обстоятельств авиакатастрофы под Смоленском в частности (46% поляков, согласно недавнему опросу TNS OBOP, считают, что отчет был сфальсифицирован). В этой связи эксперты ожидают ужесточения риторики правящего тандема по острым проблемам российско-польских отношений, в числе которых, помимо прошлогодней трагедии, остается немало вопросов общего исторического прошлого.

Политическое руководство Польши стоит перед лицом серьезной угрозы и вызова. Угроза заключается в том, что по тем или иным причинам Туск и Коморовский сделали ставку на политику «перезагрузки», понимаемую как начало новой эпохи польско-российской дружбы и доверия к россиянам. Отход от данной стратегии может быть воспринят как признание того, что оппозиция в лице «Права и справедливости» была права, а это может иметь решающее значение на следующих выборах.

Вызов же заключается в том, что некоторые базовые мотивы, лежавшие в основании политики «перезагрузки» российско-польских отношений, сегодня утрачивают свою актуальность. С польской стороны одним из ключевых мотивов выступало желание доказать США и Евросоюзу, первыми заговорившим о «перезагрузке» отношений с Москвой, что Варшава не является непредсказуемой страной, руководствующейся иррациональными антироссийскими чувствами. Это мнение наносило Польше реальный внешнеполитический урон. Сегодня, по оценке ряда польских экспертов, более жесткой польской политике в отношении Москвы способствует то, что позиция Медведева в Кремле ослабевает, а позиция Путина усиливается, при этом западные элиты возлагали на технократического президента известные надежды и были склонны дать России под его руководством большой кредит доверия. В Германии уже какое-то время назад начал стихать энтузиазм, связанный с идеей особых отношений Берлина и Москвы. На фоне такой динамики многим политикам в Варшаве начинает казаться, что, принимая в отношении Москвы позицию контролируемой жесткости, польское руководство не поставит под угрозу свои отношения с Западом. Сложно будет обвинить польские власти в том, что они руководствуются иррациональной неприязнью или националистическими идеями. Так или иначе, общее ощущение того, что «медовый месяц» во взаимоотношениях Москвы и Варшавы остался в прошлом, может оказаться достаточно верным.

Что же касается спора по поводу обстоятельств и причин авиакатастрофы президентского самолета под Смоленском, на сегодня с определенностью можно утверждать лишь то, что этот спор еще долго обречен быть дестабилизирующим фактором в российско-польских отношениях. Ясно также, что публикация отчета технической комиссии МАК, вопреки ожиданиям Москвы, вовсе не ставит точку в расследовании этого трагического события. Текст доклада очевидно не полон, и предъявляемые на этот счет претензии польской стороны следует признать обоснованными. В частности, стремление российской стороны представить техническое оснащение полузаброшенного военного аэродрома Северный безупречным трудно квалифицировать иначе, чем предвзятое. По свидетельству российских специалистов, на Северном нет цифрового компьютерного оборудования, летную информацию там получают по старинке, аналоговым способом. Как подтверждает комиссия МАК, из-за недостаточного технического оснащения диспетчеры лишь приблизительно знали положение самолета над полосой. Из расшифровки следует, что начальству они дозванивались по городскому телефону, от включенного обогревателя на вышке сбило какое-то оборудование, и руководитель группы диспетчеров жаловался, что работает без выходов. На вышку свободно заходили посторонние, а на диспетчеров давило начальство.

После нынешних трагических событий в Домодедове, выявивших возмутительные примеры служебной халатности и низкой технической оснащенности – и это в одном из лучших, образцовых аэротранспортных комплексов страны, – отмечать с порога соответствующие подозрения в отношении смоленской трагедии по меньшей мере не корректно. При том, что, даже будучи подтверждены, эти обстоятельства едва ли изменят по существу общую картину происшествия и основные выводы комиссии МАК, касающиеся вины польского экипажа.

В любом случае поверить в то, что по части организации и сопровождения злополучного полета президента Польши в Смоленск бардак имел место исключительно с польской стороны, а принимающая сторона в этой ситуации проявила исключительно тевтонскую дисциплинированность и буддийскую невозмутимость, может только человек, бесконечно далекий от российских реалий.

Вместе с тем всесторонний, обстоятельный анализ всех, даже несущественных с точки зрения российских экспертов, обстоятельств дела мог бы существенно снизить степень неприятия с польской стороны тех выводов, которые, очевидно, не без оснований оцениваются ею как поспешные и неполные. Такой подход, как представляется, в гораздо большей степени соответствовал бы установкам политического руководства страны, справедливо указывавшего по горячим следам прошлогодней трагедии, что только абсолютная открытость и полная готовность к взаимодействию по всем возникающим вопросам является с российской стороны гарантией эффективного противодействия любым подозрениям и клеветническим версиям на этот счет. Возможно также, что такой подход дал бы более удовлетворительный результат в сравнении с практикой политических уступок российской стороны в других вопросах, не имеющих прямого отношения к катастрофе под Смоленском, но осуществляемых, очевидно, в общем с ней контексте (показ фильма «Катень» Анджея Вайды на одном из центральных государственных российских телеканалов и «катынское» заявление Думы). Последние события наглядно показали, что такая политика не дает ожидаемых результатов, а скорее, наоборот, поощряет антироссийские силы в Польше и других странах Восточной Европы к дальнейшему давлению на Москву, демонстрирующую, по их убеждению, слабость и зависимость перед зарубежным мнением.

Так или иначе, ускоренное представление отчета без учета большей части замечаний польской стороны, а позднее – очень поспешное заявление МАК о том, что отчет носит окончательный характер (хотя на самом деле свое слово еще должны сказать прокуратуры обеих стран),

свидетельствуют, что позиция россиян стала более жесткой, и это не облегчает ни диалога, ни принятия польской стороной выводов отчета.

Вопрос, однако, стоит так: перейдет ли вновь обострившаяся в связи с публикацией выводов комиссии МАК напряженность на другие сегменты польско-российских отношений, помимо смоленского? Ответ: нет, так произойти не должно. Конфликт может и должен быть локализован исключительно в этой сфере. Гарантией тому на сегодня является пребывание у власти в обеих странах прагматично настроенных политиков. Российской дипломатии и службам информационного сопровождения внешней политики тактически выгодно в сложившейся ситуации акцентировать логику первенства внутripольской политической борьбы, играя на относительной слабости партнеров, озабоченных сохранением власти в своих руках. Одновременно с этим, и исходя именно из такого понимания, следует более снисходительно реагировать на возможные конфронтационные заявления польского руководства, вынужденного гибко маневрировать в сложном внутripолитическом пространстве страны. Не забывая при этом, что против России у Польши есть, по сути, единственное оружие: противостояние российским планам на территории Евросоюза. Сейчас же отношения с Варшавой стали еще более ценными ввиду приближающегося председательства Польши в ЕС во второй половине 2011 года.